

Дело о драконе-нотариусе

Отдел „Тихий ужас“

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о драконе-нотариусе

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о драконе-нотариусе / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Нотариальная контора «Дракон и партнёры» в Тихогорске — заведение солидное. Аристарх Гекторович Крылов. Дракон. Настоящий. Свидетельство о регистрации — в рамочке. И вдруг — контора перестаёт работать. Завещания не подписываются. Сделки стоят. Клиенты уходят. Партнёр сидит в кабинете и никого не принимает. Только город начинает замечать: что-то не так с документами. Завещания читаются не так, как написаны. Договоры оказываются про другое. У кого-то в наследстве появляется квартира, которой не было. У кого-то — долг, о котором не знали. Бумага — та же. Смысл — другой. Отдел номер семь берётся за дело — и очень быстро понимает: дракон им не рад. Не хочет говорить. И вообще не открывает дверь. Отделу придётся раскопать старую контору снизу доверху, разговорить самого молчаливого свидетеля в городе — дракона, — и понять: нотариус тоже может быть жертвой. Особенно когда его шантажируют не деньгами, а памятью. Документом, который он подписал много лет назад и с тех пор хранил в сейфе.

Содержание

Глава 1. Бумажный зверь	5
Глава 2. Сорок восемь страниц	8
Глава 3. Прореха	13
Глава 4. Второй подписант	17
Глава 5. Подпись	20
ЭПИЛОГ. Хранить	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дело о драконе-нотариусе

Глава 1. Бумажный зверь

Утро в отделе номер семь начиналось так, как оно начиналось всегда, и это было его главное достоинство. В мире, где по вторникам из крана могла пойти не вода, а что-нибудь задумчивое и пахнущее лавандой, в мире, где троллейбусы иногда уезжали не по маршруту, а по настроению, в мире, где статуи уставали стоять и просили перерыв, — в этом мире постоянство утреннего ритуала было почти роскошью.

Кулибин паял. Дроздов листал. Муромцев лежал на диване так основательно, что диван уже начинал привыкать и слегка прогибаться в его любимом месте. Синичкина опаздывала на четыре минуты — не потому что не могла прийти вовремя, а потому что в её организме, по-видимому, была заложена какая-то внутренняя поправка на четыре минуты, и бороться с ней было бесполезно. Орлов стоял у окна и гладил рубашку рукой — не потому что она была мятая, а потому что это движение успокаивало. Тимофей сидел на папке «ВЕЩДОК» и смотрел в пространство так, будто в этом пространстве было что-то, чего никто, кроме него, не видит.

Лепнина осыпалась. Лампочка мигала. Герань на подоконнике, та самая, что оставила Агата Витольдовна, выпустила второй красный цветок — яркий, плотный, без единого изъяна. Никто в отделе не сказал по этому поводу ни слова, но все заметили. В отделе номер семь вообще было принято замечать молча.

— Товарищ майор, — сказала Синичкина, влетая в дверь ровно через четыре минуты после начала смены, — там это... в приёмной.

— Что там? — спросил Орлов, не оборачиваясь.

— Оно.

Орлов обернулся.

— Что значит «оно»?

— Оно сидит и дышит. Ну, то есть, я думаю, что оно дышит. Там пар идёт. И бумаги. — Синичкина поправила пучок, из которого немедленно выбилась прядь. — Много бумаг.

Муромцев медленно сел на диване. Диван облегчённо скрипнул. Дроздов убрал телефон. Кулибин отложил паяльник. Тимофей посмотрел на дверь.

Дверь в этот момент открылась сама. Не резко, не с грохотом — она открылась так, как открывают дверь в кабинет к людям, которых уважают. Открылась наполовину и остановилась, будто спрашивая разрешения войти.

В проёме стоял он.

Это был дракон.

Не тот дракон, которого рисуют на гербах и в детских книжках, — не летящий, не крылатый, не извергающий пламя. Это был дракон деловой. Драконе-нотариус. Огромный, темно-бронзовый, с чешуёй, которая поблёскивала мягко, как старое золото, и с глазами цвета крепкого чая. Он был в очках. На носу, на самом кончике длинной морды, сидели маленькие круглые очки в бронзовой оправе, и через них он смотрел на присутствующих внимательно и чуть виновато.

Под мышкой дракон держал портфель. Обычный, кожаный, поношенный портфель, из которого торчали бумаги. Много бумаг. Из портфеля действительно шёл лёгкий пар — не дым, а именно пар, как от свежего чая.

— Доброе утро, — сказал дракон. Голос у него был низкий, но мягкий — как у человека, который много лет говорит с посетителями в очереди и научился не пугать их. — Прошу прощения за вторжение. У вас тут открыто.

— У нас тут закрыто, — сказал Дроздов.

— Ой, — сказал дракон и попятился.

— Стойте, — сказал Орлов. — У нас тут открыто. Заходите.

Дракон осторожно протиснулся в дверь. Это заняло время. Когда он наконец оказался внутри, кабинет стал казаться меньше, а бумаги на его столе — незначительнее.

— Меня зовут Аристарх Гекторович, — сказал дракон и слегка поклонился. Пол от этого слегка дрогнул. — Аристарх Гекторович Крылов. Нотариальная контора «Дракон и партнёры». Партнёров, впрочем, нет. Только я. Так уж вышло.

— Крылов? — переспросил Муромцев с дивана.

— Псевдоним, — сказал дракон скромно. — Для клиентов. Согласитесь, «Аристарх Гекторович Огнедышащий» звучит слишком... — он поискал слово. — Слишком буквально.

— Присаживайтесь, — сказал Орлов.

— Спасибо. — Дракон оглядел кабинет. — Куда?

— Вон диван.

— Он занят.

Муромцев посмотрел на диван. Диван посмотрел на Муромцева. Муромцев встал.

— Свободен, — сказал он.

Дракон сел. Диван тяжело охнул, но выдержал. Дракон положил портфель на колени и открыл его. Из портфеля вылетело облачко пара и легло на пол, растекаясь в аккуратную лужицу.

— Прошу прощения, — сказал дракон. — Это документы. Они немного... горячие.

— Что у вас там? — спросил Орлов.

— Завещание, — сказал дракон. — Сорок восемь страниц. Очень срочное.

— Чьё? — спросил Орлов.

Дракон посмотрел на него поверх очков.

— Ваше.

В кабинете стало очень тихо. Даже лепнина перестала осыпаться. Тимофей моргнул. Или нет.

Орлов медленно опустился на стул. Он не изменился в лице — он вообще редко менялся в лице, — но где-то в нём что-то сдвинулось, как сдвигается едва заметный груз на весах.

— Поясните, — сказал он.

— С удовольствием, — сказал дракон. — Только сначала я хотел бы выпить чаю. Если можно. Завещания — это такая работа, знаете ли. От них сохнет горло.

— Муромцев, — сказал Орлов.

— М.

— Чай.

— Принято.

Муромцев пошёл к чайнику. Дракон посмотрел ему вслед с тихой признательностью.

— Так, — сказал Орлов. — Мы слушаем.

Дракон разложил на коленях бумаги. Часть из них тут же поднялась в воздух и закружилась вокруг него аккуратным хороводом — дракон их терпеливо прихлопнул, и они легли обратно. Он прокашлялся.

— Товарищ майор. Есть проблема. Крупная. — Пауза. — Крупнее меня.

— Это как? — спросил Дроздов.

Дракон посмотрел на него добрыми чайными глазами.

— Это когда нотариус приходит к вам сам, — сказал он. — Обычно это значит, что дело касается не вас. А всех.

Тимофей спрыгнул с папки «ВЕЩДОК» и подошёл к дракону. Дракон посмотрел на кота. Кот посмотрел на дракона. Между ними что-то произошло — что именно, никто из присутствующих не понял, но лепнина над ними перестала осыпаться окончательно, будто и она затила дыхание.

— Хороший кот, — сказал дракон тихо.

— Да, — сказал Орлов. — Он с нами.

— Знаю, — сказал дракон. — Поэтому и пришёл.

Глава 2. Сорок восемь страниц

Муромцев принёс чай. Дракон принял чашку передними лапами — большими, бронзовыми, с когтями, которые он старательно поджимал, чтобы не поцарапать фарфор, — и сделал глоток. Глоток был крошечный. Чашка в его лапах выглядела как напёрсток в руках кузнеца, но держал он её бережно, как что-то очень ценное и очень хрупкое.

— Хороший чай, — сказал Аристарх Гекторович с уважением. — С бергамотом?

— С чабрецом, — сказал Муромцев.

— Ещё лучше, — сказал дракон. — Чабрец — это трава памяти. Нотариусы её ценят.

— Зачем? — спросил Дроздов, уже нацелив на дракона телефон. — Чтоб помнить, что написали?

— Чтоб помнить, — сказал дракон, — что написать ещё не всё.

Орлов откинулся на спинку стула. Он не торопил. У Орлова была такая манера: когда дело становилось серьёзным, он наоборот замедлялся, будто давал делу время самому себя объяснить. Синичкина уже строчила в блокноте. Кулибин вернулся под стол, но паяльник отложил — на всякий случай. Тимофей сел у ног дракона и стал смотреть на портфель.

— Итак, — сказал Орлов. — Завещание.

— Да, — сказал дракон. — Сорок восемь страниц. Но если позволите, я сначала объясню, чем оно не является, потому что обычно люди думают именно так, и объяснять потом бывает поздно.

— Объясните.

— Это не завещание человека, который умер, — сказал дракон. — Это завещание того, что живо. Но завещано заранее, потому что иначе можно не успеть.

— Чьё? — спросил Орлов.

— Ваше, — сказал дракон. — И не только. Тут весь список. — Он похлопал по портфелю. — Отдел номер семь. Весь. Полностью. С лепниной, которую вы, извините, даже не ремонтируете, — она у вас структурное явление, у неё своя роль.

Дроздов хмыкнул. Кулибин из-под стола поднял палец.

— Подтверждаю, — сказал он. — Лепнина у нас — часть системы. Я замерял. Когда лепнина осыпается — коэффициент удачи в отделе растёт.

— Вот-вот, — сказал дракон. — Об этом тоже есть в завещании. На двадцать второй странице.

— Мы можем перейти к делу? — спросил Орлов.

— Да, конечно. — Дракон раскрыл портфель шире. Из него повалил пар, и в этом пару дракон выложил на стол первую страницу. Это был лист плотной бумаги, почти картон, тёмно-бронзовый, с золотым обрезаем. По листу шёл текст — ровный, каллиграфический, но с одной странностью: буквы чуть светились, как светится металл под тонким слоем пыли.

— Прошу прощения за пар, — сказал дракон. — Бумага ещё не остыла. Она всегда так, когда написано недавно.

— Когда написано? — спросил Орлов.

— Сегодня утром, — сказал дракон. — В шесть сорок три.

— Кем?

— Мной, — сказал дракон. — И ещё одним... — он замялся, — лицом. Которое вы знать не можете. Потому что оно не представилось. Оно просто вошло в контору, село напротив и сказал: «Аристарх Гекторович, сядьте и напишите. Всё как есть. Ничего не пропустите. И подпишитесь двумя подписями, потому что одна подпись — это не гарантия».

— Двумя? — переспросила Синичкина.

— Одна — моя. Вторая — его. Он её поставил и ушёл.

— Как он выглядел? — спросил Орлов.

Дракон помолчал. Посмотрел в чашку. Отпил.

— Никак, — сказал он.

— В смысле никак?

— В смысле — я его не помню. Я помню, что мы разговаривали. Я даже помню, что он сидел вот здесь, — дракон похлопал по колену, — но как он выглядел, я не помню. Совершенно. И это, товарищ майор, самое неприятное в этом деле. Потому что я дракон и у меня абсолютная память. Я помню все завещания, которые писал за сорок лет. Я помню, как выглядел каждый клиент. А этого — нет. Ни лица. Ни голоса. Ни даже того, во что он был одет. И при этом я уверен, что он был. Это так не работает.

— Домовой, — сказала Синичкина.

— Домовой был первый, — сказал Орлов. — Это не домовый.

— Не домовый, — согласился дракон. — Домовой — это сосед, с которым можно пить чай. А это... это что-то, чего у нас ещё не было.

— Читайте, — сказал Орлов.

Дракон надел очки поудобнее — они у него на кончике носа всегда сидели почти неуловимо неровно — и начал.

— «Настоящее завещание составлено в связи с тем, что отдел номер семь подлежит упразднению. Не по причинам внешним, а по причинам внутренним. Отдел номер семь будет упразднён в тот день, когда последний его сотрудник забудет, зачем он пришёл туда работать. Всё имущество, а также неимущественные ценности, в том числе лепнина, герань, кот Тимофей, папка «ВЕЩДОК» и сейф без номера, переходят в собственность того, кто вспомнит первым. Если не вспомнит никто — переходят в никуда. Никуда, прошу прощения, это юридический термин. Означает «не у вас».»

Дракон поднял глаза.

— Это только первая страница, — сказал он. — Дальше идут уточнения.

— Уточнения чего? — спросил Орлов.

— Уточнения условий, — сказал дракон. — Что именно каждый из вас забыл. По пунктам. По именам. По датам.

В кабинете стало очень тихо. Даже Муромцев перестал пить чай — а Муромцев пил чай всегда, в любой ситуации, это было его формой философского равновесия. Сейчас его равновесие чуть пошатнулось.

— Имена там есть? — спросил Орлов.

— Есть, — сказал дракон.

— Прочтите.

Дракон перевернул страницу. Бумага слабо засветилась. Он провёл когтем по строкам — очень аккуратно, чтобы не порвать.

— «Первый. Орлов. Помнит порядок. Забыл цель. Пришёл в отдел, потому что здесь всегда должен быть тот, кто держит. Но держит он не то, за что взялся. Когда Орлов вспомнит зачем — отдел устоит. Пока Орлов помнит только «как» — отдел существует, но не живёт.»

Орлов не шевельнулся. Лицо у него было то же — спокойное, чуть усталое. Но Тимофей посмотрел на него. Тимофей посмотрел на него так, как смотрят на человека, которого очень хорошо знают и очень давно ждут.

— Дальше, — сказал Орлов.

— «Второй. Синичкина. Помнит любопытство. Забыла, что оно бывает не только весёлым. Пришла, потому что интересно. Интересно до сих пор. Этого хватит, чтобы идти. Не хватит, чтобы остаться.»

Синичкина перестала писать. Ручка зависла над блокнотом. Она подняла глаза на дракона, но дракон не поднял глаз от бумаги — он читал дальше, ровно, как человек, который знает, что если он сойдёт, то не сможет начать снова.

— «Третий. Кулибин. Помнит, что всё можно разобрать. Забыл, что не всё надо разбирать. Пришёл, потому что здесь можно было трогать то, чего нельзя трогать нигде. Когда Кулибин вспомнит, что главное иногда — не трогать, он перестанет быть только криминалистом. Пока он только криминалист.»

Кулибин из-под стола издал невнятный звук. Потом высунул голову.

— Позвольте, — сказал он. — Я не трогаю то, что нельзя.

Дракон посмотрел на него поверх очков.

— Паяльник в чайнике, — сказал он.

— Это был эксперимент, — сказал Кулибин.

— Это было двадцать третьего марта, — сказал дракон. — Вода закипела сама, без включения в сеть. Кабинет был обесточен. Вы сказали: «Ого» — и записали результат. Результат вы потом спрятали в стол. Он до сих пор там лежит. Он до сих пор тёплый.

Кулибин медленно вылез из-под стола. Открыл ящик. В нём лежала небольшая медная спираль, свёрнутая в кольцо. От спирали шло тепло.

— Ого, — сказал Кулибин.

— Вот именно, — сказал дракон. — Читаю дальше.

— «Четвёртый. Муромцев. Помнит доброту. Забыл, что доброта — не призвание. Пришёл, потому что здесь никто не торопит. Пока Муромцев не поймёт, что его спокойствие — не только отдых, но и оружие, он будет лежать на диване. Лежать он будет хорошо. Но лежать — не то, за что дают дела.»

Муромцев поставил чашку. Аккуратно. Посмотрел на свои руки — большие, широкие, добрые.

— Это не оскорбление, — сказал дракон мягко.

— Я понимаю, — сказал Муромцев. — Это правда. Это обиднее.

— «Пятый. Дроздов. Помнит, что всё надо снять. Забыл, что не всё можно выложить. Пришёл, потому что молод и хочет видеть. Видеть он будет. Смотреть он не научился.»

Дроздов опустил телефон. На этот раз — совсем. Положил его на стол экраном вниз, чего не делал никогда за всё время службы.

— Я это... — сказал он. — Я не выкладывал ничего.

Дракон посмотрел на него.

— Восьмое марта, — сказал он. — Видео с котом Тимофеем. Где он смотрит на папку. Вы подписали: «Наш хранитель». Ночью у вас прибавилось триста подписчиков. Один из них — не человек. Он до сих пор смотрит ваш аккаунт. Каждый день. В четыре утра.

— Откуда вы знаете? — спросил Дроздов тихо.

— Я нотариус, — сказал дракон. — Я знаю всё, что попадает в бумаги. А ваши триста подписчиков попали в бумаги. — Он погладил портфель. — Завещание готовилось не сегодня утром. Оно готовилось двадцать лет. Просто сегодня его записали.

— «Шестой, — продолжил дракон. — Штопор. Помнит, что всё можно открыть. Забыл, что не всё надо открывать. Приходит, потому что здесь его принимают. Приняли его здесь. Открывать он будет до тех пор, пока не откроет то, что закроет его самого. И тогда он остановится.»

Дракон перелистнул страницу.

— «Седьмой. Кот Тимофей. — Дракон впервые улыбнулся. Улыбка у него была странная, драконья, — уголки длинной морды чуть приподымались. — Помнит всё. Ничего не забыл. Здесь он по делу. Дело в нём. Пока он на месте — отдел на месте. Когда он уйдёт — читайте восьмой пункт на последней странице.»

— А восьмой? — спросил Орлов.

Дракон закрыл папку. Потом снова открыл. Долго искал — не потому что не знал, где искать, а потому что боялся найти. Нашёл. Прочёл про себя. Поднял глаза.

— Восьмой, — сказал он, — это уже не про вас.

— А про кого?

— Про меня, — сказал дракон.

— Читайте, — сказал Орлов.

— «Восьмой. Аристарх Гекторович Крылов. Нотариус. Завещание составлено им по просьбе того, кого он не помнит. Когда Крылов дочитает завещание до конца — он вспомнит. Когда вспомнит — поймёт, что завещание не про отдел. А про то, что было до отдела и что будет после. И тогда ему придётся сделать выбор. Он уже его сделал. Он ещё об этом не знает.»

Дракон положил бумагу на стол. Бумага медленно погасла — ровно так, как гаснет металл, когда его убирают из огня.

— Что это значит? — спросила Синичкина.

Дракон снял очки. Протёр их — медленно, тем движением, которым протирают стёкла, когда хотят потянуть время. Надел обратно.

— Это значит, — сказал он, — что в этом завещании каждому из нас написано, где у него прореха. И это не угроза. Это подсказка. Кто-то хочет, чтобы мы её увидели. И кто-то хочет, чтобы мы её увидели правильно.

— Кто? — спросил Орлов.

Дракон посмотрел на него. Долго.

— Тот, — сказал он, — кого я не помню.

Тимофей встал. Обошёл стол. Обошёл дракона. Обошёл всех по очереди — будто пересчитывал. Дойдя до Орлова, сел рядом и положил лапу на его выглаженную рубашку, чуть выше кармана, где хранился ключ от сейфа.

Орлов посмотрел на кота. Кот посмотрел на Орлова.

— Значит, — сказал Орлов, — у нас есть сорок восемь страниц и ни одного подозреваемого.

— Есть один, — сказал дракон. — Тот, кто написал завещание.

— Его мы не помним.

— Его мы не помним, — согласился дракон. — Но мы помним, что оно есть. И это уже зацепка.

— Кулибин, — сказал Орлов.

— М.

— Ты у нас что-то паял.

— Я всегда что-то паяю.

— Вот и спаяй нам что-нибудь, что умеет помнить то, чего не помним мы.

Кулибин медленно кивнул. Потом залез обратно под стол. Оттуда донеслось негромкое гудение — будто внутри кабинета завёлся очень маленький, очень сосредоточенный чайник. Через минуту оттуда повалил лёгкий пар.

— Он это умеет, — сказал Муромцев с дивана.

— Кто? — спросил Дроздов.

— Кулибин, — сказал Муромцев. — Память — это же тоже прибор. Просто его никто ещё не паял.

Дракон обвёл взглядом кабинет. Посмотрел на лепнину. На герань. На папку «ВЕЩ-ДОК». На сейф без номера, которого почти не было видно из-за шкафа. На кота. На людей.

— Я останусь, — сказал он, — пока не дочитаем до конца.

— Сорок восемь страниц, — сказала Синичкина.

— Сорок восемь, — подтвердил дракон.

— И все тёплые?

— Все, — сказал дракон. — Но это не беда. У меня есть чай. И, кажется, — он посмотрел на Муромцева, — мы поладим.

Муромцев кивнул. Медленно. Серьёзно.

— Чабрец, — сказал он. — Вторая заварка будет ещё лучше.

Глава 3. Прореха

Ночь в Тихогорске опустилась мягко, как опускается на город одеяло, которое достали из шкафа впервые за год. Пахло пылью, чабрецом и немного — той особенной бронзовой горечью, которая остаётся после долгого разговора с драконом. В отделе номер семь никто не расходился. Это было нелогично, но у отдела давно уже была своя логика, и она работала лучше обычной.

Дракон устроился в углу, у шкафа, там, где раньше стоял веник. Веник он вежливо подвинул, извинился перед ним и сел. Когда он сел и сложил крылья — а крылья у него были, только маленькие, аккуратные, деловые, он их обычно держал прижатыми к телу, — в отделе стало чуть уютнее. Так бывает, когда в комнату входит кто-то очень большой и очень спокойный: тесно, зато тепло.

Муромцев варил вторую заварку. Дроздов сидел без телефона — и это было настолько непривычно, что всем казалось, будто из кабинета убрали мебель. Кулибин громыхал под столом, время от времени высовываясь, чтобы посмотреть в блокнот Синичкиной и что-то там поправить. Синичкина писала. Она писала уже третий час, и пучок её развалился окончательно — пряди торчали в стороны, как будто тоже хотели что-то сказать.

Орлов стоял у окна. Он смотрел на город. Город смотрел на него.

— Аристарх Гекторович, — сказал Орлов, не оборачиваясь. — Пункт первый. Про меня.

— Слушаю.

— «Помнит порядок. Забыл цель». — Орлов помолчал. — Что это значит в вашей нотариальной практике?

Дракон подумал.

— Это значит, товарищ майор, что человек помнит, как надо. Но не помнит, зачем надо. Такие люди держат конструкцию. Но конструкция держится не на них, а на их памяти о предыдущем шаге. Если предыдущий шаг убрать — конструкция сложится.

— Убрать как?

— Убрать не физически. Убрать из памяти. Забыть не событие, а цель. Это тонкая работа. На такое способен только один тип существ.

— Какой?

Дракон повёл мордой в сторону папки «ВЕЩДОК».

— Тот, который ходит по документам. И по памяти. Он не стирает. Он подписывает новое поверх старого. У людей есть такая привычка — они называют это «привыканием». У нас это называется иначе. У нас это называется «второй подписант».

— То есть, — сказала Синичкина, поднимая голову, — кто-то ходит по городу и ставит свою подпись поверх чужих целей?

— Уже год, — сказал дракон.

— Откуда вы знаете?

— По бумагам. Бумага всегда чувствует подпись. Я за год получил четыре запроса на нотариальное удостоверение целей. Цель — это такая штука, которую у нас удостоверяют в редких случаях. Обычно когда человек делает что-то очень важное и хочет, чтобы это не потерялось. Четыре раза за год. При обычной статистике — раз в тридцать лет.

— Кто был?

— Первый — учительница. Хотела, чтобы её ученики помнили таблицу умножения через тридцать лет. Второй — дворник. Хотел, чтобы его метла не сломалась до весны. Третий — бабушка. Хотела, чтобы внук не забыл, как она выглядела.

— А четвёртый?

Дракон долго молчал.

— Четвёртым был сотрудник вашего отдела, — сказал он. — Пришёл в контору шесть дней назад. Сказал: «Удостоверьте, что я на службе не ради бумаг». Я удостоверил. А вчера я проверил запись — цели нет. Подпись под записью чужая.

— Кто? — спросил Орлов.

— Подпись неразборчивая. Но она бронзовая. Как моя.

В кабинете стало очень тихо. Тимофей встал с папки и медленно обошёл всех по кругу, будто кого-то не находил. Дойдя до Кулибина, он остановился, посмотрел на него и пошёл дальше. Дойдя до Дроздова — посмотрел, пошёл дальше. Дойдя до Муромцева — посидел. Дошёл до Синичкиной — сел рядом и положил лапу на её блокнот.

— Тимофей, — сказала Синичкина. — Ты чего?

Кот не ответил. Кот никогда не отвечал. Но Синичкина вдруг поняла, что смотрит на свои записи и не понимает, что в них написано. Вот блокнот. Вот строчки. Вот буквы. А смысл — как будто за стеклом. Строчки есть. Смысла нет.

Она подняла глаза.

— Я не помню, — сказала она. — Товарищ майор, я не помню, зачем я вам всё это пишу.

— Что ты не помнишь?

— Зачем. — Синичкина удивилась собственному голосу. Голос был спокойный, как у человека, который рассказывает про погоду. — Я помню, как писать. Помню, какие буквы. Помню, куда ставить дату. А зачем — не помню. У меня как будто в голове кто-то стёр только одну строку. Одну. И через неё теперь ничего не сходится.

Она попыталась улыбнуться.

— Извините. Я, наверное, устала.

Дракон в углу поднялся. Медленно, так, чтобы не напугать. Он подошёл к Синичкиной и присел рядом на корточки — насколько дракон может присесть на корточки, а может он не очень, поэтому просто наклонился.

— Позвольте, — сказал он. — Я посмотрю.

Он снял очки и очень аккуратно коснулся лбом её лба. Коротко. Одно мгновение. От Синичкиной пахло чабрецом.

— Вижу, — сказал дракон. — Чёрный крапин. Один. Как прореха в бумаге. Через такой крапин вытекает цель. Очень аккуратно сделано. Профессионально.

Он отстранился и надел очки обратно.

— Товарищ майор, — сказал он. — В отделе номер семь работают семеро и один кот. У пятерых из семи — крапины. У шестого — крапин свежий, поставлен вчера. У седьмого — нет.

— Кто шестой? — спросил Орлов.

— Я не знаю его имени, — сказал дракон. — Но крапин свежий. Значит, бояться его больше всех. Значит, он может раскусить.

— Седьмой кто? — спросила Синичкина.

Дракон посмотрел на Орлова.

— Седьмой — тот, — сказал он, — у кого нет крапина, потому что к нему не подступились. Потому что его нельзя подписать. Потому что его цели проверять не надо — она у него в крови.

Он выдержал паузу.

— Седьмой — это вы, товарищ майор. У вас крапина нет.

— Но первый пункт, — сказал Орлов.

— Первый пункт — испугались. — Дракон развёл лапами. — Тот, кто писал завещание, не смог вас подписать. Он написал про вас как про больного, чтобы вы не поняли, что вы здоровый. Это классика. Так делают на всех уровнях. Врач — не больной, но бумаги ему выписывают больного, чтобы он сидел и лечился. И цель свою главную вылечит.

Орлов молчал. Потом сказал:

— А кот?

Тимофей посмотрел на дракона.

— А кот — вне подписей, — сказал дракон. — Котов не подписывают. Коты сами подписывают. Он — причина, по которой отдел ещё жив. К нему пробовали, я думаю. Он не понял. Ему это просто... — дракон поискал слово, — ...не понравилось.

— Итак, — сказал Орлов. — У нас есть кто-то, кто ходит по городу и стирает цели. У нас есть свежий крапин у одного из нас. У нас есть завещание, которое неизвестный заказал сегодня утром. И всё это — не совпадение.

— Не совпадение, — согласился дракон. — Это одна работа. Просто выполненная в четыре руки.

Кулибин вылез из-под стола. В руках у него был небольшой медный обруч, к которому был припаян чайник. Чайник пытел паром, из носика шёл слабый свист. Кулибин держал его на вытянутых руках, как держат ёжика.

— Готово, — сказал он.

— Что это? — спросил Дроздов, невольно потянувшись к телефону и тут же отдёргнув руку.

— Голова, — сказал Кулибин. — Точнее, будет голова. Я назвал «памятник». Он умеет слушать. Только не ушами. Он слушает, что в комнате помнят, и записывает. Ну, как записывает. Как умеет.

— Пробуем? — спросил Орлов.

— Пробуем, — сказал Кулибин.

Он поставил обруч на середину стола. Обруч зашипел. Пар из чайника пошёл вверх, собираясь в воздухе в слабую, но отчётливую колонну. Внутри колонны мелькнуло что-то — тонкое, послойное, как будто воздух разрезали на дольки и каждую дольку показали отдельно.

— Имена, — сказал Кулибин. — Прошу. Кто что помнит. Коротко. По одному.

— Орлов, — сказал Орлов.

— Синичкина, — сказала Синичкина.

— Муромцев.

— Дроздов.

— Кулибин.

— Аристарх Гекторович, — сказал дракон.

— Тимофей, — сказала Синичкина, глядя на кота.

Кот молчал. Но пар в колонне дрогнул и слегка пожелтел. Кулибин посмотрел на это, прищурился и записал что-то в свой блокнот.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Уже что-то.

— Что? — спросила Синичкина.

— Тимофей, — сказал Кулибин, — не представился, потому что не считает, что у него есть имя. Он считает, что у него есть дело. Дело на всех одно. И это дело — не его.

Дракон в углу закрыл портфель. Положил лапу на крышку. Посмотрел на Орлова.

— Первая страница, — сказал он, — начнёт читаться по-другому, когда мы поймём вторую. Вторая начнёт читаться, когда поймём третью. Так и дойдём до последней. До последней девятой... извините, сорок восьмой. Только чур — читать вслух. Так надо.

— Так надо? — переспросила Синичкина.

— Так заведено, — сказал дракон. — Завещания читаются вслух. Иначе они не срабатывают.

— А если сработают? — спросил Орлов.

— Тогда, — сказал дракон, — кому-то из нас придётся вспомнить, зачем он здесь.

Орлов посмотрел на герань. Герань стояла на подоконнике — два цветка, ярких, правильных, живых. Ничего в ней не было необычного. И оттого на неё было приятно смотреть.

— Продолжаем, — сказал он.

Глава 4. Второй подписант

Ночь тянулась дальше, и в отделе номер семь никто не ложился. Время от времени кто-то вставал, кто-то садился, кто-то наливал себе чаю. Муромцев наливал всем. Так было заведено. В отделе вообще многое было заведено, и когда что-то заводилось, отменить это мог только Орлов. Орлов не отменял.

«Памятник» — медный обруч с чайником — стоял на столе и тихо пыхтел. Пар из него поднимался уже не в колонну, а в тонкую спираль, как в старых книжках про опыты. Внутри спирали плавали буквы — маленькие, бронзовые, они собирались в слова, слова распадались, снова собирались. Кулибин сидел рядом и следил за ними, как рыбак за поплавком.

— Ну, — сказал он наконец. — Есть.

Все обернулись.

Кулибин поднял палец. В спирали над чайником медленно проступила строка — и, что важнее, почерк. Почерк был тот же, что в завещании. Ровный, каллиграфический, с едва заметным наклоном влево. И — бронзовый. Даже в пару, даже в отражении он оставался бронзовым.

— Это я, — сказал дракон тихо.

— Что? — переспросил Дроздов.

— Это мой почерк, — сказал дракон. — Это я это писал. Это я писал завещание. Не сегодня утром. Раньше.

Он стоял у шкафа, всё там же, сложив маленькие крылья. Но теперь он стоял иначе. Не уютно. Он стоял так, как стоят, когда знают, что дальше будет хуже.

— Объяснитесь, — сказал Орлов.

— Я не помню, когда писал, — сказал дракон. — И это, товарищ майор, самое странное. Нотариус не забывает свои документы. Я держу в памяти каждую бумагу, которую составил за сорок лет. А этот документ... — он посмотрел на портфель, — этот документ был у меня всегда. Я не знаю, когда он появился. Он был у меня, когда я открыл контору. Я думал, он от отца. Отец был нотариусом. И дед. У нас это наследственное.

— Ваш отец? — спросил Муромцев.

— Умер, — сказал дракон. — Двадцать два года назад. Я был тогда ещё молод. Взял контору. Взял портфель. Не открывал его, пока не начал работать как следует. Портфель был

заперт. Ключ был у меня. На шнурке. Я открыл его только через год. Внутри лежало это завещание. Сорок восемь страниц. С датой, которая ещё не наступила. Я подумал — недоразумение. Переложил в нижний ящик. Через год достал — почерк изменился. Он был мой. Не тот, каким я пишу сейчас. Тот, каким я стал писать через год. Я испугался и запер портфель снова.

— А сегодня утром, — сказал Орлов.

— Сегодня утром, — сказал дракон, — портфель открылся сам. И бумага была тёплая. И я написал. Я не помню, что писал. Но я написал. Вот это.

Он открыл портфель. Вынул верхний лист. Все увидели — лист был тот же, что и раньше, но теперь на нём проступили маленькие буквы сверху, над заголовком, едва заметные, как водяной знак.

Буквы складывались в одну фразу:

«Прочти меня вслух. Я войду в тебя и расскажу, кем ты был».

— Это не завещание, — сказала Синичкина. — Это письмо. Письмо самому себе.

— Это так и есть, — сказал дракон. — Я его написал себе в прошлом. И отправил в будущее. Только вот проблема: я не помню, зачем.

Кулибин снял очки. Протёр их о рубашку, хотя на рубашке было не лучше. Надел обратно.

— Ну, — сказал он, — положим, тут всё просто. Надо прочесть вслух. Раз написано.

— Нельзя, — сказал дракон резко.

— Почему?

— Потому что если я прочту вслух, — сказал дракон, — я вспомню не то, что было. Я вспомню то, кем я был. А я не знаю, кем я был. И если это окажется кто-то плохой, — он посмотрел на портфель, — он вернётся. Здесь. В этом кабинете.

— Значит, есть кто-то похуже, чем вы сейчас, — сказал Муромцев. Не вопросом. Утверждением.

— Возможно, — сказал дракон. — И я боюсь не того, что он сделает. Я боюсь того, что он вспомнит.

— Что вспомнит? — спросил Орлов.

Дракон помолчал. Потом сказал:

— Что ставил подписи.

Слова повисли в воздухе. Синичкина перестала писать. Дроздов не потянулся к телефону. Даже Тимофей приподнял голову — на миллиметр, но приподнял.

— Пункт восьмой, — сказал Орлов. — «Крылов. Нотариус. Завещание составлено им по просьбе того, кого он не помнит. Когда Крылов дочитает завещание до конца — он вспомнит.»

— Да, — сказал дракон. — Только это не я. — Он похлопал по бумаге. — Это тот, кто был мной. Тот, кто писал это. Он знал, что я забуду. И он знал, что мне будет страшно вспомнить. И он заранее написал про себя — чтобы я не рванулся вспомнить слишком быстро. Потому что если дракон вспомнит, что был подписантом, он сломает свою контору. Он сломает весь город. Он сломает всё, что вокруг него.

— Почему? — спросила Синичкина.

— Потому что первое, что делает подписант, вспомнив себя, — сказал дракон. — Он возвращается к последней странице, чтобы дописать. Дописать себя. И вот тогда, — он посмотрел на неё, — вот тогда всё и происходит. Не раньше. И не позже.

— То есть, — сказала Синичкина, — мы должны прочесть вслух, но не до конца.

— Да.

— И тогда мы не узнаем, что там.

— Да.

— И дракон не вспомнит, кем он был.

— Да.

— И тот, кто ходит по городу и стирает цели, — сказала Синичкина, — останется.

— Да.

Орлов встал. Он не был взволнован. Он вообще редко был взволнован, и это иногда пугало сильнее, чем если бы он кричал. Он подошёл к дракону. Посмотрел на него снизу вверх — дракон был выше.

— Аристарх Гекторович, — сказал Орлов. — Вы ведь это всё уже знали. Когда пришли.

— Догадывался.

— Тогда зачем пришли?

Дракон опустил глаза. Долго молчал. Потом сказал:

— За вами. Потому что я подписант, товарищ майор. Я не подписывал цели. Я подписывал страхи. Все эти годы. Я думал, что я нотариус. А я был... — он поискал слово, — я был как тот, кто ставит на документах пятно. И документ становится ничтожным. Все эти годы я ставил пятно. И не помнил об этом. Потому что тот, кто меня подписал, был умнее меня. Он подписал меня самого. Я — мой собственный крапин. Я — прореха. И я не знаю, где заканчиваюсь я и начинается он.

Тимофей встал. Медленно перешёл кабинет. Подошёл к дракону вплотную. Посмотрел на него снизу. Дракон, огромный, бронзовый, покрытый чешуёй, вдруг показался в этот момент очень маленьким. Он присел — насколько мог присесть, — и посмотрел на кота в ответ.

Кот моргнул. Один раз. Потом повернулся и пошёл к двери.

У двери он сел. Посмотрел на всех.

— Он зовёт, — сказала Синичкина.

— Куда? — спросил Дроздов.

— Не знаю, — сказала Синичкина. — Но Тимофей не зовёт просто так.

Орлов посмотрел на дракона. На портфель. На герань. На лепнину. На сейф без номера, которого почти не было видно из-за шкафа. На сотрудников. На кота.

— Идём, — сказал он.

— Куда? — переспросил Дроздов.

— Куда Тимофей скажет.

— А если это ловушка? — спросил Кулибин.

— Тогда мы вернёмся, — сказал Орлов. — Мы всегда возвращаемся.

Кулибин забрал «памятник». Дракон взял портфель. Синичкина сунула блокнот под мышку и поправила пучок — безуспешно. Муромцев накинул на плечи пиджак — помятый, как всегда. Дроздов оставил телефон на столе. Это был поступок.

Тимофей ждал у двери.

Кот поднялся. Повёл.

Дверь открылась — сама, как в сказке, — и за ней оказался не коридор отдела номер семь. За ней оказалась контора «Дракон и партнёры». Та самая. С зелёной вывеской, с приёмной, с полками, уставленными папками, с лампой на столе и с синей чернильницей, из которой торчало перо.

Контора была прямо здесь. Здесь её раньше не было. И теперь она была.

Дракон посмотрел на неё. Долго. Потом сказал — тихо, почти шёпотом:

— Моя контора. Первая. Та, которую я закрыл двенадцать лет назад.

— Кто её открыл? — спросил Орлов.

— Она сама, — сказал дракон. — Так бывает. Когда нотариус забывает свои документы — документы его возвращают. Тот, кто меня подписал, знал это. Он знал, что контора вернётся. Он знал, что я приду. — Пауза. — Он меня приглашает.

— Идём? — спросила Синичкина.

— Идём, — сказал Орлов.

И они вошли.

Глава 5. Подпись

Глава 5. Подпись на печатной машинке.

Конец новеллы. Сергей Диковинный

Внутри конторы пахло бумагой, воском и очень старым чаем. Так пахнет помещение, в котором много лет писали от руки и ни разу — не переписывали набело. Полки шли от пола до потолка. На полках стояли папки. Папок было много. Больше, чем может понадобиться одному нотариусу за всю его жизнь. Больше, чем может понадобиться всем нотариусам Тихогорска вместе взятым.

— Это не моя контора, — сказал дракон тихо.

— А чья? — спросил Орлов.

— Моя. Но не та. — Дракон обвёл взглядом полки. — Это моя контора, какая она есть сейчас. В том виде, в каком она живёт без меня. Пока я был нотариусом, я думал, что работаю в ней. А она, оказывается, работала во мне.

Тимофей шёл впереди. Он шёл уверенно, как будто знал этот коридор. Он его не знал. Но кот и не нуждался в том, чтобы знать. Кот шёл, потому что шёл.

За столом — за тем самым столом, покрытым зелёным сукном, за которым, по идее, должен был сидеть дракон, — никого не было. На столе лежала открытая книга. Одна. Толстая, в бронзовом переплёте. Страницы её были исписаны в два почерка. Один почерк все уже знали — каллиграфический, ровный, с наклоном влево. Второй был другой. Второй был размашистый, злой, с сильным нажимом. Буквы его прорезали бумагу.

— Второй подписант, — сказал дракон.

— Он был здесь, — сказала Синичкина.

— Он здесь и есть, — сказал дракон. — Он — эта книга. Он — моя вторая подпись. Он существует, пока существует моя первая.

Орлов подошёл к столу. Посмотрел на книгу. Прочёл вслух — негромко, себе под нос:

— «Журнал регистрации целей. Том первый. Начат с момента открытия конторы.»

— Двенадцать лет назад, — сказал дракон. — Столько мне было, когда я открылся. Я тогда ещё думал, что нотариус — это тот, кто удостоверяет. А оказалось, нотариус — это тот, кто стирает. Разница в том, что первое делают руками, а второе — душой.

— И вы стирали, — сказал Орлов.

— И я стирал. — Дракон смотрел на книгу. — Цели. Идеи. Мечты. Я не понимал, что делаю. Я думал, что регистрирую. Я ставил свою печать — и цель исчезала. Я думал, так и должно быть. Я думал, что цели — это как долги: их надо закрывать. А надо было, наоборот, открывать.

Книга, лежащая на столе, тихо вздохнула. Это было неожиданно — не звуком, а движением воздуха, — но все его почувствовали. Дракон отшатнулся.

— Он здесь, — сказал он.

— Он всегда был здесь, — сказал Орлов. — В вас.

— Да. Но теперь — не во мне. Теперь он — здесь. — Дракон показал на книгу. — Он вышел. Пока я спал. Он дописал мою контору. И теперь он хочет, чтобы я вернулся. К нему. К себе. К тому, кем я был.

— И что будет, если вы вернётесь? — спросил Дроздов.

Дракон помолчал.

— Тогда я буду только подписывать. — Он посмотрел в сторону. — Опять. Всё. Без разбора.

— А если не вернётесь?

Дракон молчал дольше.

— Тогда он останется, — сказал он. — Здесь. В этой книге. И будет ждать. Ждать будет долго. Он умеет ждать. Он — терпение. Он — моя вторая половина, и он умеет только одно: раз за разом ставить подпись поверх чужой. Пока есть с кем.

Тимофей подошёл к столу. Посмотрел на книгу. Потом повернулся к людям. Потом сел. Потом — моргнул.

Затем он сделал то, чего не делал никогда. Он поднял лапу и постучал. Один раз. По столу. Прямо по переплёту.

Книга открылась сама. Страницы зашелестели. Дракон шагнул вперёд — автоматически, будто его потянули. Орлов положил руку ему на локоть. Дракон остановился.

— Стойте, — сказал Орлов. — Читайте вместе.

— Как?

— Вслух. На два голоса. Вы — вы. Книга — за него.

— Она не может за него, — сказал дракон. — Она немыслима. Она — текст.

— Тогда поставьте подпись. — Орлов посмотрел на него. — Просто поставьте подпись. И посмотрите, что будет.

Дракон посмотрел на перо — то самое, которое торчало из синей чернильницы. Перо было бронзовое, с обломанным кончиком. Дракон очень долго на него смотрел. Потом взял.

Рука у него дрожала. Дракон — существо весом в центнер — дрожал, как первокурсник. Он поднёс перо к странице. На странице уже была подпись. Его. Та, старая, размашистая, злая.

И тогда он сделал вторую попытку. Подписал рядом. Внизу. Ровно, каллиграфически, с наклоном влево.

Ничего не произошло. Потом произошло всё сразу.

Чернила в книге вспыхнули. Разом, все страницы. Из переплёта повалил бронзовый дым, и в этом дыму проступил силуэт. Огромный. Дракониный. Точь-в-точь как у Аристарха Гекторовича, но на несколько размеров больше, и по цвету — тёмный, копчёный, с глазами, из которых не шёл чай.

Силуэт посмотрел на всех. Раскрыл пасть.

— Ты, — сказала оно. Голос был низкий, но не такой, как у Аристарха. У Аристарха голос был тёплый. У этого — не тёплый. У этого голос был как медь в мороз. — Ты вернулся.

— Я вернулся, — сказал дракон. — Но я вернулся не к тебе.

— Ты вернулся ко мне, — сказал силуэт. — Ты — это я. Я — это ты. Мы одно. Ты всегда будешь ставить. Ты всегда будешь закрывать. Это твоя природа.

— Нет, — сказал дракон.

— Это твоя природа, — повторил силуэт. — Ты знаешь, почему ты стёр первую цель?

— Нет, — сказал дракон.

— Я скажу. — Силуэт улыбнулся — если это можно было назвать улыбкой. — Ты стёр цель, потому что тебе было проще её стереть, чем её выполнить. Ты — лентяй, Аристарх. Ты — лентяй под маской строгости. Ты всю жизнь подписывал не потому, что хотел, а потому что не хотел делать. Ты — вторая подпись. Ты — тот, кто соглашается, чтобы не делать.

Дракон молчал. Молчал долго. Тимофей смотрел на него. Муромцев смотрел на него. Синичкина смотрела на него. Дроздов — смотрел. Кулибин — смотрел. Все смотрели.

И тогда Орлов сказал:

— Аристарх Гекторович, — сказал он. — Он врёт. Но врёт красиво. Это опаснее, чем ложь. Это полуправда.

— Она не полуправда, — сказал дракон. — Она правда. Я действительно не хотел делать. Я действительно подписывал, чтобы не делать.

— Хорошо, — сказал Орлов. — А зачем вы тогда сегодня утром составили завещание? Оно-то — ваше. Оно-то — первое за двенадцать лет, где вы не стёрли, а записали.

Дракон поднял голову.

— Я не помню. Я составил в беспамятстве.

— Нет, — сказал Орлов. — Вы помните. Вы составляли в шесть сорок три утра. Вы тогда ещё спали. Но чтобы вы встали в шесть сорок три, чтобы вы сели писать, чтобы вы написали сорок восемь страниц — вы должны были чего-то хотеть. Чего?

Дракон посмотрел на Синичкину. На Муромцева. На Дроздова. На Кулибина. На кота. На Орлова.

— Я хотел, — сказал он, — чтобы кто-нибудь пришёл и остановил меня.

Пауза.

— Остановить меня от того, чтобы я стал им обратно. — Он посмотрел на силуэт. — Я знал, что тот, кто меня подписал, во мне. И я знал, что однажды он выйдет. Я не знал, когда. Я написал это завещание как просьбу. Просьбу к тем, кто будет рядом. Просьбу остановить меня. Я не мог сам — я не тот, кто себя останавливает. Я — тот, кого останавливают. Если меня не остановить — я стираю. Это правда.

— Ну, — сказал силуэт, — вот ты и признал. Ты — стиратель. Ты — тот, кто закрывает. Моя половина. Ты не можешь без меня. И я не могу без тебя.

— Не могу, — согласился дракон.

— Значит, иди ко мне.

— Иду, — сказал дракон. — Но не так.

Он обернулся. Посмотрел на Орлова.

— Товарищ майор, — сказал он. — Вы позволите?

— Что сделать?

— Подпишите меня.

— Что?

— Подпишите. — Дракон достал из портфеля лист бумаги. Чистый. Положил на стол. Взял перо. Обмакнул. Протянул Орлову. — Вы — тот, у кого нет крапина. Вы — тот, кого нельзя подписать. Значит, можете подписать вы. Поставьте мне цель. Назовите меня заново. Любое. Одно слово. Одно. И я больше не буду его второй половиной.

Силуэт замер. Он замер, потому что впервые за всё время не понимал, что происходит.

Орлов посмотрел на лист. На перо. На дракона.

— Я не умею, — сказал он.

— Я тоже не умел, — сказал дракон. — Двенадцать лет. Я подписывал за других. Теперь пусть подпишут за меня. Это и есть нотариус. Не тот, кто регистрирует. Тот, кто даёт цели.

Орлов взял перо. Долго смотрел на лист. Потом написал одно слово. Коротко. Каллиграфически не умел, поэтому написал как умел — печатными, крупно, чтобы точно видно было.

Слово было:

«ХРАНИТЬ».

Дракон прочёл. Медленно. Про себя. Потом вслух:

— Хранить.

И протянул лист силуэту.

— Вот тебе, — сказал дракон. — Всё, что я закрывал, — я хранил. Только хранил не то. Теперь у меня одна цель. Хранить. И я больше не подписываю. Я храню.

Силуэт посмотрел на лист. Посмотрел на дракона. Посмотрел на Орлова.

— Это не так работает, — сказала оно.

— Это так работает, — сказал дракон.

— Ты не можешь отказаться от того, что ты есть.

— Я не отказываюсь. Я выбираю.

Силуэт дрогнул. Он не исчез — так было бы слишком просто. Он осел. Он втянулся обратно в книгу. Медленно, как втягивается вода в сток. Страницы книги погасли. Бронзовый дым улёгся на пол и стал пылью. На странице остались две подписи: старая, размашистая, злая — и новая, ровная, каллиграфическая, с наклоном влево. Между ними, посередине, — слово печатными, крупно: «ХРАНИТЬ».

Всё.

Книга закрылась сама. Тихо.

— Оно вернётся, — сказал дракон. — Однажды. Оно всегда возвращается.

— Знаю, — сказал Орлов. — Мы тогда опять придём. Мы всегда приходим.

Тимофей встал. Обошёл кабинет. Обошёл книгу. Сидел. Потом медленно пошёл к двери. На полпути он обернулся — коротко, как это делают только коты, и только когда всё уже закончилось.

— Идём, — сказала Синичкина.

— Идём, — сказал Орлов.

И они вышли. Контора осталась. Она была. Она была не там, где они думали. Она была внутри дракона — и осталась внутри дракона. Та, старая, злая. Просто теперь у неё был хозяин. Хозяин был хороший.

ЭПИЛОГ. Хранить

Утро в отделе номер семь начиналось так, как оно начиналось всегда, и это было его главное достоинство.

Кулибин паял. Дроздов листал — на этот раз не телефон, а толстую тетрадь, которую ему выдали на память вместо смартфона, и он, к своему удивлению, в ней даже почерк выработал. Муромцев лежал на диване — диван по этому поводу уже смирился и даже скрипел по-дружески. Синичкина опаздывала на четыре минуты. Орлов стоял у окна и гладил рубашку рукой. Тимофей сидел на папке «ВЕЩДОК» и смотрел в пространство.

Лепнина осыпалась. Лампочка мигала. Герань на подоконнике выпустила третий цветок — яркий, плотный, без единого изъяна.

Дракон сидел в углу, у шкафа, там, где раньше стоял веник. Веник он вежливо подвинул. Он ставил на стол маленькую чернильницу и аккуратно складывал бумаги — одну к одной. Работа была неторопливая, но неспешная, и в ней было что-то приятное.

— Аристарх Гекторович, — сказала Синичкина, присаживаясь на край стола.

— Да?

— Вы знали, что подпишетесь у нас?

Дракон подумал.

— Нет, — сказал он. — Я вообще ничего не знал. Я просто ждал. Ждал — это, знаете, тоже работа. Только неоплачиваемая.

— А сейчас как?

— Сейчас платят. — Дракон улыбнулся. — Чай наливают.

Муромцев налил. Молча.

Дроздов поднял голову от тетради.

— Аристарх Гекторович.

— Да?

— А что было на сорок восьмой странице?

Дракон открыл портфель. Достал завещание. Отсчитал сорок восемь страниц. Последняя была пустая. Совершенно. Ни буквы.

— Вот и всё, — сказал дракон. — Как обычно.

— Это как «как обычно»?

— Я думаю, — сказал дракон, — это нотариальная шутка. Когда нечего писать — пишут пустую страницу. Чтобы клиент понял, что он сам должен дописать конец. Я двенадцать лет держал этот портфель и ни разу не догадался посмотреть на последнюю страницу.

— Значит, финал дописываем мы, — сказал Орлов.

— Дописываете вы, — сказал дракон. — У меня служебное.

Тимофей спрыгнул с папки «ВЕЩДОК». Обошёл кабинет — по кругу, как он это делал, когда хотел пересчитать всех. Пересчитал. Сел. Потом поднял лапу и постучал по полу. Один раз. Мягко.

Это ничего не значило. И это значило всё.

Орлов посмотрел на него. Потом на герань. Потом на дверь. Дверь была закрыта. Дверь была открыта.

— Кулибин, — сказал он.

— М.

— Что там с твоим «памятником»?

— Работает, — сказал Кулибин, не поднимая головы. — Я его переделал. Теперь он умеет только одно: помнить, что мы здесь. Ничего больше.

— Этого хватит?

— Этого — в самый раз, — сказал Кулибин.

Муромцев налил чаю всем. Синичкина дописала последний абзац и закрыла блокнот. Дроздов отложил тетрадь. Кулибин отложил паяльник. Дракон закрыл портфель. Тимофей моргнул. Орлов отошёл от окна. Лепнина перестала осыпаться — на минуту, ровно на одну.

— Следующее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.